

Сказка про Илью Муромца (2)

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был хресьянин. Он молил: «Дай, бог, сына или дочь — при младости на утеху, при старости на замену!» Бог услышал его молитву — жена стала беременная. И кобыла в хотоне стала брухатая. Жена стала мучиться — дни-часы подошли. И кобыла стала мучиться тоже. Мучилась она двенадцать суток — все двенадцать суток громы гремели, молнии сверкали, была землетресение. И кобыла тоже мучилась — (в)се двенадцать суток громы гремели, молнии сверкали, была землетрясения.

На тринадцатые суток сына принесла. Окунали, окрестили, дали ему имя Илья Муромец. Тридцать лет ног не имел. На матери груди руку положит — пятеницами запекается: такой богатырь! Стало ему, как в поле выехать, сбруя молодецкая. «Тятенька, маменька, давайте, — говорит, — мне благословение, съезжу, — говорит, — сам шебя покажу, людей пошмотрю». Шял на лошадь, поехал.

На шинее море прибежал, вынул из кармана подзорную трубу, посмотрел. Видит — два шатры штоят, две лошади ходят, шено едят, пьют воду медвяную. Конь на это к нему отвечает: «Что видишь, чему быть. Ну, вяжи глаза, — на это хожяину отвечает. — Только в ушах глажа завяжаны». . . . «Ну, — говорит, — хожяин, отвяжи глажа». Два шатра (в)правду штоят. Два богатыря (в)правду штоят. Коня отпустил швоего. Ляг (к) одному подле стенку.

Вышел один богытырь во двор. Видит — лошад ходит нежнакомая. «А, — говорит, — видно, на товаришша кто-то натыкался». Побежал и будит, тот говорит: «У меня нету». Пришел (в) свой шатер, баает: «У меня человек лежит!» Выволок его за волосенки: «Ах, — говорит, — ты такой-сякой, без хозяйского приказания на чужую лошадь лезешь!» Тот к нему отвечает: «Дай-ко мне воды помыться». Он ему отдал воды помыться. Он моется, [тот] выкликает: «Выйдем, — говорит, — на поединок!» Этому приезжающему показалось за досаду за немалую, вытащил из тулу калену стрелу, натягивал тетиву шелковую, штрелял во мать во сыру жемлю. Громы гремели, молнии сверкали, была землетрясения.

Свой шатер поставил, шидит (в) швоем шатре. Видит — справились оба, (в) один шатер ушли. Он побежал (к) има слушать, чего баять станут. «Вот, — говорит, — ты его накликал на поединок, — один-от говорит. — Мы вот от пустой стрелы сколько время лежали! Еще милосливой он — нас не убил. А мы, — говорит, — пойдём к ему с покорной головой. Скажем: «Давно мы бегали». Нашли Соловья-разбойника. До своего городу не допустил, свистнул — нас за двадцать верс(т) унесло. За это [!] нам по доцери дал. Осталась дочь прекрасавица, не дас(т) ли за тобой», — к ему говорят.

(В) свой шатер ушел, как это выслушал. Они ему кланяется, он им место дает. Ему и сказывают, что: «Давно мы бегали, нашли Соловья-разбойника. До своего городу не допустил, свистнул— нас за двадцать верс(т) унесло. За это нам по доцери дал. Таперя осталась у него дочь, поедём, за тебя ли не дас(т)», — его кличут. «Я место не знаю. Поведите — поедём». Кони поймали, шатры разломали, сяли, поехали.

Едут-едут (в)се трое. Долго ли, коротко ли ехали, а они отвечают: «Соловей-разбойник, видно, спит. Таперя, — говорят, — мы где были бы, кабы не спал бы». — «Останьтесь (в) темном лесу, — к ним, говорит, один ехать хочет». Остались. Едет. Соловей-разбойника город увиделса. Соловей-разбойник вышел, свистнул: лошадь как шла, так и идет. Другой раз свистнул: лошадь как шла, так и идет. Третий свистнул: лошадь на четыре карачки упала. Коня треснул: «Конь, ты, конь, — говорит, — травяной мешок, кому смерть ворожишь?» Лошадь соскочила, [стала] как вкопаная. Показалось за досаду за немалую. Выдергивал из тулу калену стрелу, натягивал тетивочку шелковую, штрелил во мать во шире землю. Громы гремели, молнии сверкали, было землетрясение. Соловья-разбойника под горой и его убило, и всех людей убило от пустого грому.

(К) давешним товаришам назадь воротился и девку не увидел. (К) товаришам приехал — до половины земли. «Чего, товаришши, доспелись?» — «Ночешной гром, куда поедём! Ну поедём, — говорят, — к нашему отцу».

Де пояхали. Они ведут его. Город увиделся: полгорода черным бархатом, полгорода — красным обдернуто. Подъяхали. Чарь (в)стречает (с) чесью-радосью. Де принял его как следует.

Сар со сарицей веселится, отвернется — плачет и уливается. Он стал по калинову мосту похаживать — калинов мос(т) стал поскрипывать: «Не любы, — говорит, — видно, гости. Если не любы гости, сейчас со двора!» — «Любы гости, — говорит. — Рады, веселимся, отворотимся — плачем, уливаемся». —

«Почему же так?» — тот к нему отвечает. «Третий год, — говорит, — прижился у меня Идол на улице: дочь просит. День хочет дасти, день не хоцю. Утром, вечером, — говорит, — на паужню погоню». — «А како бы было, — говорит, — с ним познакомиться?» — отвечает к нему. «Я, — говорит, — не посылаю, а пойдитё — не унимаю. У меня, — говорит, — три сына были. Третий сын был, — говорит, — великант. Ш ним выяхал на поединок: трои суток не допуштил, (на) третьи шутки с конем совсем сглотил».

Пришел он к нему. Полторы стены занял, лежит. «Здрас(т)вуй, дедушка», — говорит. «Здрас(т)вуй, миленькой», — говорит. «Сар, — говорит, — меня послал к тебе на вечернюю паужню». Он к нему испоткнулся: «Хо-хо, — говорит, — я еще сыт». Ладно. «Ну, дедушко, — говорит, — сказывай, каково поживаешь у царя. Ну чего, — говорит, — как еду кончаешь у него?» Стал похаживать по калинову мосту — калинов мос(т) поскрипывает. «Дедушка, это, — говорит, — у тебя какая рухлишка в углу стоит?» — «Это, — говорит, — великант —шляп(у) подарил». — «Много ли тягости?» — говорит. «Шешьдесят пудов», — говорит. «А ну, я подыму ли?» — «Надень», — тот к нему говорит. Надел. «Дедушка, — говорит, — это какая чурочка у тебя лежит?» — «Это, — говорит, — костылек великант подарил». — «Много ли тягости?» — говорит. «Девяносто пудов». — «Дай-ко, дедушко, я, — говорит, — подыму ли?» — «Ну подыми», — говорит. — А что, милой, я говорю, Ильюшенька прияхал?» — «Он, — говорит, — с тобой и разговаривает, — другой-то отвечает». — «Дедушка, — говорит, — дай шелыгой-то, — говорит, — щелкнуть». Он к нему говорит: «Смеешься ли, дядюшка?» Его через, да и железной [шелыгой] проводил через.

Ну и пришел к этому сарю. Сар к нему отвечает: «Бери мою дочь». Обдернул свой город красным бархатом. Вешелым пирком-свадебкой пировали-столовали двенадцать суток беспробудно. Нищие, бедные, подзамошники, подтюремшшики бочками [вино] катили.

Де ляг спать. Не спитса, не грипчитса — соболиное одьялко с плеч катитса, подушка под головам вертитса: ходит по Жолотой горы Швятогор-богатырь. Солил крес(т), если сын родитса; солил персень, если родитса дочь, наденет этот персень.

...Нашел этого богатыря. Этот богатырь вжял его со всем конем в карман покчал. Он ему перочинным ножичком карман выпорол, из кармана выкатился. Тот оглянулса: едет сзади товариш.

(В)друг на дороге им стоит (в)роде ящика железного на двенадцать обручев. Этот богатырь Святогор отвечает: «Этот кто?» — «Вот, — говорит, — люди умирают, (в) этаким кладут». — «Ну я не знаю шмерти!» Илья Муромеч говорит: «Ну я лягу!» Де ляг. «Меня, — говорит, — шире да и доле». — « Ну, — говорит, — выйди, да я лягу». Исе ляг тот. « На, — говорит, — как по мне меряная длина и ширина!» — «Ну выходи», — говорит. Штал выходить — выдти не может. «Ну ты шильный, — говорит, — ломай да! Те, — товариш говорит, — душно стало». — « Это, — говорит, — про меня dospетая, видно. Де против моих устов, — говорит, — прокопай диру. Пойдет, — говорит, — черная пена. Ты, — говорит, — эту пену сграбливай. Пойдет, — говорит, — белая пена, трет стакана выпей». Прокопал диру. Черная пена пошла. Сграбил эту пену. Белая пошла — трет стакана выпил. « Ну, — говорит, — прошшай», — и помер.

Сял на коня, пояхал. Конь до колена идет: шила-то (к) яму пришла. Долго ли яхал, коротко ли яхал. Шатер поставил. Спит (в) шатре.

(В)друг чего-то ему (в) грудь тычет, (в) самом кресту. Пробудился и выбрался. Вышел на двор — такой богатырь. Копьями стали тыкаться вострыма концами: ни который ни которого. Тупыми концами первернули — тоже ни который ни которого не могут. Бороться стали, поймались, это брошили. Илья Муромеч бросил. Выстегнул у него златы булаты богатырские, (в)се его пристежки молодецкие. Отстегнул его хрес(т): «Ах, — говорит, — ты мой сын!»

Приезжает (к) своей бабе и тут стал жить-поживать.

(Записал Д. Д Травин в мае 1928 г. от Николая Григорьевича Шкулева, в м. Федеровское на Русской протоке нижней Индигирки)

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока, 1991.